

Некрасивая девочка

Лев Усыскин

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

1.

Детство было, как детство, – расчерченное пастельными, большей частью фиолетовыми либо зелеными мелками на асфальтовые нумерованные квадратики, по которым прыгали на одной ноге, прижимая другую рукой к ягодицам. С детства Саша полагала, что уроки все-таки стоит учить, причем делать это надлежит с доскональной тщательностью, словно бы разжевывая одну за одной горькие и большие таблетки, которые, по уверениям взрослых, обязательно пригодятся, неизбежно помогут, пусть не сейчас, но потом – в том самом, столь многообещающем, неотвратимо-близком и неумолимо-серьезном будущем. Которое, разумеется, следует встретить во всеоружии. Впрочем, справедливости ради, следует сказать, что давалась ей школьная премудрость хоть и не без труда, но и не так, чтобы через силу, – в третьем, кажется, классе она целый год просостояла в отличниках, затем получила четверки по физкультуре и русскому языку, каковые, кочуя из ведомости в ведомость, в конце концов, заняли причитающиеся им места в аттестате зрелости, расширив по ходу дела свой клуб подобными же оценками Сашиних успехов в физике и геометрии.

В остальном, ее школьные годы протекали как нельзя лучше, точнее сказать, – протекали, как подобало им протекать на рубеже восьмидесятых в типовой школе среди панельных ленинградских новостроек. Саша была, что называется, у всех на хорошем счету, имела, само собой, кучу таких же, как она, воробушков-подружек, два раза в неделю занималась с учителем английским и едва ли задумывалась о чем-то всерьез, во всяком случае, до той своей первой танцевальной вечеринки, организованной в их же классной комнате на третьем этаже, из которой мальчишки, сняв пиджаки и пересмеиваясь, вынесли в коридор исцарапанные столы, небрежно распахав затем расшатанные на уроках стулья вдоль крашенных в грязно-лимонный цвет стен. В тот вечер Саша оказалась вдруг среди трех или четырех девочек, ни разу не приглашенных на танец, причем, в отличие от долговязой Ленки Кругловой в огромных, как у водолаза, очках, и не

умолкавшей ни на секунду Галки Сущенко, которые словно бы предвидели свою судьбу заранее и даже не позаботились переодеться, оставаясь в школьных коричневых платьях, а также страдавшей ожирением Машки Костоевой по прозвищу «Кость», не пришедшей вовсе, Саша к такому повороту событий оказалась явно не готова – она честно досидела до конца дискотеки, однако сразу же после этого, стараясь ни с кем не разговаривать, по возможности незаметно улизнула домой. Кажется, мальчишки в тот вечер раздавили в туалете – одну на восьмерых – бутылку пива «Ячменный Колос», украденную перед тем Женькой Байбасаровым у собственного отца, – об этом вспоминали потом весь месяц целым классом, обмениваясь многозначительными намеками и понимающими взглядами исподтишка...

После этого случая Саша старательно избегала школьных дискотек, предпочитая, однако, обеспечить на эти дни какое-нибудь расхожее алиби: визит в театр либо с родителями в гости, либо еще что-нибудь вроде того. Себе же самой она всякий раз говорила, что ей, мол, некогда заниматься подобной ерундой, а надо поступать в институт, и там будут, конечно же, другие мальчишки, не такие, как эти, а чуткие, умные и интересные, которые сразу же поймут ее и оценят и которым важно, чтобы поговорить с девушкой, а не только пустое, и которые не шляют после уроков бесцельно по дворам, обирая, развлечения ради, пьяных у магазина, – словом, так или почти так выглядел ворох тогдашних мыслей в ее голове в той степени, впрочем, в которой это, в принципе, осуществимо, – выразить на бумаге то, что варится в голове у пусть даже весьма начитанной девочки, только что достигшей пубертатного возраста. Как бы то ни было, остаток школьных лет Саша провела именно в этом ключе – иной усмотрит здесь нарождающийся характер, кто-то, возможно, разглядит как раз отсутствие такового, неважно. Куда существеннее то, что сформированных в результате амбиций оказалось вполне достаточно, чтобы с первого же раза поступить на юридический, и даже для того, чтобы этот самый юридический затем с отличием окончить. Само собой, принимая из рук декана диплом, Саша все еще оставалась девственницей. Все же будем последовательны: для полноты картины следует отметить-таки один случай – летом, после второго курса, во время четырехдневного выезда на пикник в Рощино, – когда Саша этой своей девственностью едва не лишилась под разнузданным напором Валерки Сычева,

золотозубого нахала, изрядно перебравшего «Букета Молдавии». Впрочем, тогда Саша все-таки нашла в себе силы вырваться из этих пьяных объятий и, что гораздо важнее, никогда впоследствии не жалела, что дело обернулось именно так.

Месяц спустя после окончания университета Саша, по совету руководителя дипломной работы, предложила свои услуги некой фирме со странным названием «Ваш Заботливый Попечитель». Посылая туда резюме, она знала лишь, что фирма занимается юридическим сопровождением сделок с корпоративной недвижимостью или чем-то вроде этого, – в Сашиных мечтах в тот период во всю ширь доступного ей воображения довлел образ так называемой самостоятельной женщины, то есть женщины, которая самостоятельно зарабатывает себе на жизнь, сама себя отправляет в отпуск на Costa Dorada, и так далее в том же примерно духе. Впрочем, в том, что самостоятельной женщине столь же по силам, да и к лицу купить себе надлежащего любовника, Саша, понятное дело, сознаться стыдилась – взамен она по-прежнему мечтала о неведомом мужчине, который придет и поймет, и который тем крепче будет ее любить, чем больше времени она провела в его ожидании. Однако подобные привычные для нее прежде мысли все же таяли со временем, вернее сказать, – таяли с каждой удачно вышедшей замуж подругой, сменяясь, мало-помалу, обнаруживающим себя с неистребимым постоянством каким-то унылым цинизмом, всякий раз неприятно удивлявшим ее саму.

Примерно через неделю после отсылки резюме Сашу пригласили на собеседование в офис фирмы, занимавший весь первый этаж почерневшего от времени и гнилого питерского воздуха бывшего доходного дома на Суворовском проспекте. Контора представляла из себя филиал довольно известной московской юридической компании; созданная ради работы по корпоративной недвижимости, она, ввиду вялости местного рынка, занялась понемногу недвижимостью вообще, просто ведением арбитражных дел, а также всеми прочими приносившими доход видами юридического консультирования средних и начинавших тяготеть к крупным компаний. Пришедшую на собеседование Сашу проводили в довольно просторный кабинет, по-видимому, принадлежавший главе представительства. Войдя, она

увидала перед собой двух, по ее представлениям, прямо-таки вызывающе элегантно одетых мужчин, причем обоим было основательно за тридцать. Саша довольно робко присела на поставленный у двери стул, тут же спрятав под ним ноги, сложила руки в замок на коленях и принялась отвечать на задаваемые элегантными мужчинами вопросы, на редкость бессистемные и хаотичные. Так, один из вопрошавших в довольно фамильярном тоне спросил что-то об упомянутых Сашей преподавателях кафедры гражданского права и, выслушав ответ, ничуть к тому не располагавший, вдруг расхохотался, уже через секунду заразив своим смехом коллегу, – вообще, оба они прямо лучились своим хорошим настроением, словно бы за минуту до Сашиного прихода каждый выиграл по-крупному в казино. Беседа продолжалась четверть часа, вряд ли больше, затем Сашу поблагодарили, и она вновь оказалась на свежем воздухе.

Стоял конец июля, на редкость жаркий и душный, – все окна первого этажа были распахнуты настежь, невзирая на раздвижные решетки, и лишь свисавшие дрожащей бахромой пластиковые жалюзи скрывали от уличных прохожих происходящее внутри. Движимая каким-то невнятным порывом, Саша, сделав сразу же по выходе на улицу глубокий выдох, прислонилась к стене и уже в следующий момент поняла, что стоит как раз под окнами того самого кабинета, где только что беседовала со своими предполагаемыми начальниками. Уже знакомые мужские голоса говорили о ней. Саша вслушалась:

– ...ну, эта, во всяком случае, потолковее будет, а?.. как тебе кажется?..

– Угу... ты видел, какая у нее ряха?..

– Ну и что?.. мы с тобой кого нанимаем?.. для чего?.. чтоб в койку тащить или для чего другого?..

– Нет, ну все-таки... ну представь, ведь каждый день будет...

– ...ладно... не беда... привыкнешь... кстати, ноги у нее ничего... так что будешь за коленки цапать... когда невтерпех...

– Ноги ничего, да... ничего ноги... ладно, в конце концов, ты начальник, скажешь – взять, возьмем... а я – пас...

– Ну, ладно, Паша, не обижайся только, ради бога, ладно?.. не будешь обижаться?.. работать-то надо кому-нибудь... за реальную зарплату...

Дальше Саша уже ничего не расслышала – должно быть, говорившие отошли в другой конец комнаты либо вообще удалились в коридор; она отлипла от шершавой, в оспинах отставшей штукатурки стены и, не давая себе полностью погрузиться в омут саднящей обиды, побежала к троллейбусной остановке. В тот же вечер по телефону ее известили о результатах собеседования. Разумеется – положительных.

Наши сокровенные желания, как известно, исполняются в той только степени, в какой это необходимо, дабы некого нам было потом упрекнуть в равнодушии к собственной участи: ни других людей, ни судьбу, а лишь себя самого, поставившего когда-то, как водится, телегу впереди лошади. Итак, Саша решила стать юристом. Именно им она и стала, так и не став, однако, женщиной. В феврале девяносто седьмого через арбитражный суд ей удалось вернуть на расчетный счет Восьмого стройтреста шестьсот тридцать миллионов рублей, безакцептно списанных налоговой инспекцией Адмиралтейского района в качестве недоимки по налогу на прибыль. Данное дело уверенно было отнесено главой представительства в разряд безнадежных и по этой причине полностью, со всеми потрохами отдано на откуп Саше, дабы та в очередной раз поупражняла на нем (разумеется, в рамках твердого ежемесячного оклада) свою параноидальную педантичность. То, что оно все же принесло солидный куш, а также то, что ведущий адвокат фирмы Павел Ильич Николаевский (тот самый, что принимал некогда участие в Сашином первом собеседовании) месяцем раньше переехал в Москву, имело для нее целый букет последствий, одно другого краше. В первую очередь, произошло заметное повышение Сашиных позиций в хитросплетении внутрифирменной иерархии. Во-вторых, ей увеличили оклад, а также отстегнули разовую премию в размере полутора тысяч долларов, которые она решила потратить во время запланированной на отпуск недельной поездки в Швецию.

Сашина жизнь в этот период текла, словно вода в реке Фонтанке, – без завихрений и перепадов, медленным потоком в узком русле гранитных набережных. Внешне все выглядело вполне пристойно – Саша теперь жила одна, в снятой внаем однокомнатной квартире у метро «Проспект Просвещения»; как было сказано, уверенно и неуклонно возвращала свою профессиональную репутацию, при этом коллеги уже начали

относиться к ней, как к старому боевому товарищу, и едва ли им за все эти несколько лет довелось хотя бы раз вообразить себе, скажем, ее рыдающей в пропитанную ночными слезами бессилия подушку...

Едва ли сотрудники вообще воспринимали Сашу в отрыве от работы – помимо них, круг ее общения вновь составили подружки школьных лет, в большинстве своем уже попробовавшие семейной жизни, причем попробовавшие неудачно – на словах они часто завидовали Саше, сумевшей «не вляпаться в этот кошмар», однако Саша явственно слышала в этом нотки превосходства, высокомерной снисходительности взрослых к не знающему жизни ребенку. Понятно, что слова эти падали гулкими камушками на воспаленное дно ее души, накапливаясь и грозя когда-нибудь, перевесив сдерживающие тяги приличий и самообманов, разнести все взрывом. Каковой, как легко догадаться, в конце концов и последовал.

Этому предшествовали два события, сыгравшие, если так можно выразиться, роль детонатора. Первое из них состояло в том, что Саше исполнилось двадцать семь. Вторым стало очередное (третье уже по счету) замужество Ленки Сердюк, туповатой хохотушки с двумя дочками-близнецами еще от первого брака. На этот раз Ленкиным суженым выпало стать толстенькому, но при этом донельзя проворному, словно волчок, двадцатитрехлетнему метрдотелю из «Швабского Домика», одного взгляда на которого было вполне достаточно, дабы затем с уверенностью предсказать, что это бракосочетание – отнюдь не последнее в жизни обоих его участников. Тем не менее, свадьбу довольно бойко отметили в снятом для этой цели кафе на Лиговском, пригласив гостей, человек сорок. По дороге домой, в такси, Сашу знобило. Она почувствовала вдруг прилив какой-то непонятной ей самой решимости, подобной той, что испытывают, как ей казалось, крысы, бегущие по туго натянутым швартовам с горящего корабля. Ночь она провела без сна, следующим днем было воскресенье, а уже в четверг, передав дела Леве Месхину, она отчалила в тот самый, долгожданный отпуск. Погруженные в свои заботы коллеги так и не заметили, что все эти последние четыре дня с Сашей творилось что-то неладное – она была невнимательна, легко раздражалась, раз даже почем зря походя нагрубила Федьке Цареву,

отвечавшему в конторе за компьютерную сеть. В ответ он лишь изумленно уставился на нее во все глаза:

– Ну ты, Сашуля, словно бы в Швеции уже, ей-богу!..

Однако даже эти слова, в другое время определенно вызвавшие бы какую-нибудь ответную остроту, сейчас лишь скользнули мимо Сашиных ушей прямоком туда, куда обычно и уходит большая часть сказанного нами – в лишенное эха неведомое небытие.

2.

Прощальная бело-красная рампа равнодушных огней взлетной полосы, набежав секундным безумным аттракционом, уже мгновение спустя бесследно упала куда-то влево вниз, оставив самолет один на один с беззвездной чернотой северного неба. Опять подташнивало, как тогда, после свадьбы; прижавшись щекой к спинке кресла, Саша силилась разглядеть хоть что-нибудь сквозь дюймовую толщу иллюминатора: какие-нибудь огни внизу или, может быть, другой самолет – все равно... Что угодно, лишь бы отвлечь внимание, столкнуть его с наезженного, парализующего мозг хода:

«...Надо где-то набрать... Надо где-то набрать восемнадцать тысяч... Точнее, семнадцать тысяч шестьсот пятьдесят долларов... А еще точнее – сто тридцать девять тысяч девятьсот шестьдесят шведских крон, но только кто ж их видел в таком количестве, эти кроны... В клинике с фонтаном посреди вестибюля, с очень внимательными и очень участливыми сотрудницами, чрезвычайно старательно выговаривавшими правильные английские фразы... С очень внимательными, да... Вни-ма-тель-ны-ми... Без малого, двадцать тысяч за все: исправление формы носа, кожа лица, коррекция груди... Остальное по мелочам... Восемнадцать тысяч... Во-сем-над-цать тысяч... В принципе, не так уж и много... В принципе... Да... Если на работе пойдет так, как шло, – года за два можно отдать, от силы за три, если даже и с процентами... Вопрос, конечно же, не в этом... Во-прос-не-в-этом... Весь вопрос в том, что занять не у кого... Не у кого... Не у кого, да... Хоть волком вой... В банке, конечно же, бесполезно... Да, в банке бесполезно... Бес-по-лезно... Что же тогда?... Что осталось?... Думай... Что осталось?... Думай, думай, что осталось... Надо придумать, что осталось... Слышишь, надо придумать... Осталось – из

знакомых, разве... Конечно, из знакомых, а как же... Из знакомых, да... Стоп... Значит, из знакомых... Ну, хорошо... Кто бы мог?... Кто бы мог?... Кто бы мог?... Кто бы мог, кто бы мог, кто бы мог... Ну, кто?... Дементьев? Не даст... Гришка? Он квартиру купил недавно, так что тоже едва ли... Кто еще?... Кто-е-ще-о... Ну, кто ж еще, а?... Ну, неужели ж никого – теперь, когда до счастья всего пустяк, всего какие-то гадкие восемнадцать тысяч долларов... Не может же быть такого, в самом деле»

Трудяга Ту-134 старательно и честно ревел своими турбинами во всю ширь недолгого перелета. Впервые в Сашиной жизни ее собственное сознание ей не повиновалось, описывая одну за одной какие-то странные концентрические окружности, словно соскочившая с бороздки патефонная игла. Мысли теперь цеплялись поминутно за тот или иной вариант с ожесточенностью, забытой еще со времен университетских сессий – до спазмов, до воспаленного кипения мозга, будто бы силясь извлечь из памяти поверхностно выученный урок. Временами ей даже начинало казаться, что главное теперь уже, и в самом деле, позади – после всего, что она превозмогла в себе за эти дни, преодолев гадливость и стыд, сломав в себе что-то, прежде чем со спокойной улыбкой взрослой обеспеченной женщины войти в просторный и ухоженный кабинет шведского косметолога-консультанта... Она лихорадочно перебирала своих состоятельных знакомых с цепкостью альпиниста, медленно сползающего по склону в пропасть, – перебирала по многу раз, последовательно отвергая кандидатуры одну за одной и затем вновь извлекая их из памяти, и вновь отвергая, – вплоть до того словно бы ожогом тронувшего ее мига, когда на поверхность сознания вдруг всплыло имя, и вместе с именем возникла идея, в тот момент даже не поразившая Сашу своей необычностью. Вместо этого она лишь стиснула со скрипом зубы и вдруг почувствовала себя гораздо увереннее и спокойнее, чем когда-либо в продолжение двух этих жутких недель...

На третий день по возвращении из отпуска, незадолго перед концом работы, Саша как бы невзначай подсела к Никите Голованову, очень

перспективному молодому адвокату, любимчику директора, Ильи Купермана. Некоторое время она молча наблюдала, как Никита стучит пальцами по клавиатуре компьютера, затем, минуты две, наверное, спустя, он, по всему, заметил девушку боковым зрением и, не прекращая работы, довольно вяло хмыкнул:

– М-м?.. Что, Сашуля?..

Не услышав, однако, ответа, он вдруг поднял голову и, вытянув вперед руки, сложил их в замок:

– И что же ты хочешь от меня?.. А?..

Саша сидела перед ним, обняв спинку стула.

– Дело есть к тебе, Никитушка...

– Что ж, говорите, мадам... Мы вас слушаем внимательно... Извольте изложить суть вашей проблемы...

Он вновь отвернулся к экрану и застучал по клавишам. Сашу вдруг развеселило сознание того, что он еще не знает... не знает ничего...

– Ты можешь уделить мне пять секунд всего?.. Только полностью, а не в пол-уха, как всегда?..

Никита вновь поднял глаза.

– Полагаю, что да, могу... а что?..

– Пойдем покурим...

Он слегка вздрогнул и как-то быстро-быстро заморгал своими длинными роскошными ресницами.

– Ты что, Сашуля, куришь теперь, что ли?

– Неважно... Нет, не курю... Просто я тебя прошу... Могу я разок тебя попросить, а?.. Пойдем...

– Ну, пойдем... Десять минут только назад курил... Ладно... черт-те что, ей-богу, вы со мной делаете...

Он с шумом встал и нехотя поплелся вслед за Сашей.

В курилке, несмотря на работающий кондиционер, висел довольно плотный запах табачного дыма, оставленный в наследство, как видно, кем-то, побывавшим здесь совсем недавно. Саша села в черное пластиковое кресло и, закинув ногу на ногу, стала дожидаться, пока Никита устроится в соседнем, достав из карманов зажигалку и свой любимый Salem.

– Ну, что стряслось?

Он глуповато улыбнулся.

– Сейчас скажу...

Интуитивно она почувствовала вдруг ту единственно верную тактику, которой надо было придерживаться в разговоре с Никитой: просто-напросто следовало держать его в неведении, причем держать как можно дольше; до тех пор, пока это будет удаваться, он станет делать все так, как она скажет, покорно и быстро...

– Послушай, Никитушка... Мне действительно надо с тобой поговорить... нет, не по работе... по одному личному вопросу... важному для меня... вот... но здесь это невозможно, сам видишь... так что, давай я приду к тебе домой, а?..

Она увидела вдруг легкий испуг в его глазах.

– ... ты только, ради бога, не бойся, признаний в любви или там чего такого... не будет... но мне очень-очень надо, поверь... и потом, кроме тебя мне никто не поможет, серьезно...

Она заглянула ему в глаза каким-то незнакомым ей самой взглядом:

– Хорошо, Никитушка?..

– Ну, ладно... приходи... когда ты хочешь?..

– Завтра...

– Приходи завтра... что у нас завтра? суббота?.. давай завтра, часов в шесть... мартини выпьем... давай...

Он все еще чуть-чуть трусил.

– Адрес есть чем записать?..

– Ага...

Надо сказать, что Никита Голованов, сидящий за столом в офисе, и тот же Никита, каким он на следующий день открыл Саше дверь своей квартиры, в шерстяной безрукавке и джинсах, торопливо приглаживающий ладонью растрепавшуюся шевелюру, – до известной степени, это были все же разные люди, причем второй из них, само собой, отличался существенно большей уязвимостью, что, впрочем, было вполне безошибочно подмечено Сашей уже в первую минуту их субботнего свидания.

– Ну вот... тут вот я и живу... проходи, располагайся...

Никита обитал в довольно просторной квартире, купленной им самим несколько лет назад и обставленной также самостоятельно, – как следствие, комнаты (исключая одну, самую маленькую, в которой хозяин спал, ел, смотрел видео и вообще проводил большую часть времени) приобрели какой-то вполне однозначный, хотя и трудно выразимый словами привкус, определенно свидетельствующий о том, что вся эта мебель, стильные штучки на стенах и везде – все это обретает смысл лишь в момент приема гостей, тогда как для самого хозяина оно значит не более, чем грязная посуда в раковине.

– Присаживайся тут куда-нибудь... я пойду мартини принесу...

Он ушел на кухню. Саша опустилась на высокий, похожий на барабан, кожаный пуф и, положив на журнальный столик локти, машинально принялась настукивать пальцами по его полированной глади.

– Сашуля... слышишь?... ты мартини с чем?... сок, пепси?... а?...

– Все равно... с соком...

Никита на кухне гремел стеклянным.

– Ну вот... готово... – он появился, держа в руках поднос с бутылками, стаканами и еще чем-то – сейчас выпьем...

Он разлил мартини, разбавил на треть яблочным соком и поднял стакан:

– За тебя, Сашуля...

Они выпили. Затем, спустя какое-то время, заполненное незначущими разговорами, шелухой Никитино резонерства и Сашиними

понимающими улыбками, они выпили еще, а потом еще раз, уже не мешая martini с соком. Стало тихо и почти что по-домашнему спокойно; в голове поплыл кораблик мятного уюта. Саша теперь сидела по-турецки на плюшевом просторном диване, обложив себя с двух сторон мохнатыми подушечками, и держала обеими руками стакан.

– Послушай, Никита... я хочу... мне надо... сказать тебе... в общем, спросить у тебя одну вещь... ты слышишь?..

– Да, конечно... говори, я слушаю...

– Нет, ты сначала скажи мне, знаешь, что... ты мне скажи... то есть ты мне пообещай... пообещай, что никому не расскажешь... и еще... что не будешь смеяться, ладно... обещаешь, а, Никитушка?..

Никита заглянул в серьезное Сашино лицо, и ему вдруг уже стало смешно. Все же он, как мог, подавил в себе улыбку и, подняв на вытянутую руку свой стакан, принялся рассматривать на просвет бледно-лимонный дрожащий мениск напитка.

– Само собой, Сашуля... разве я когда-нибудь над тобой... смеялся?..

Никита вскинул брови вопросительно, однако Саша на него уже не глядела: вместо этого она внимательно, казалось, рассматривала собственные ладони:

– Послушай... – она вдохнула воздуха, – знаешь... я, Никита, решила... нет, подожди, давай еще... выпьем... martini, а?..

Никита послушно разлил по новой и торопливо выпил свою часть. Саша также осушила стакан залпом.

– Только не смейся, Никита... я решила изменить свою внешность...

Все же martini сделало свое дело: Никита лишь слегка качнулся и только. Словно бы – шел по улице и вдруг свернул за угол, не более того.

– Да, понимаю... изменить внешность... изменить внешность, пол, возраст, имя, разрез и цвет глаз... да...

– Я же говорила, будешь смеяться...

– Ни в коем разе... только если над собой, быть может... я тоже, наверное, хочу изменить... внешность...

Саша вдруг вновь услышала (или ей это показалось?) в его словах давешние нотки робости – и моментально вслед за этим к ней вернулось искомое чувство превосходства, то самое, беспроницаемое и путеводное.

– Нет, я серьезно, Никита... правда... нет, ты послушай... меня... слушаешь?... да... я, короче, в Швеции была, вот... ты слышал?... отлично... там, значит, в Мальме клиника есть... в общем, неважно даже... так вот, я там была уже и все такое... уже и деньги заплатила даже за консультацию... сколько?... достаточно, да... так вот, все бы хорошо, но одна проблемка есть на сегодняшний день... маленькая... какая?... догадайся, да... ну, ты же взрослый мальчик... ну, с трех раз, хорошо?... сдаешься?... ну, ладно... слушай... дело в том, что... в общем, денег у меня нет на операцию, только и всего... не хватает чуток, знаешь ли... пятнадцать штук... да, баксами конечно же, баксами... так-то вот, Никитушка... и занять не у кого в целом свете, кроме как у тебя одного, дорогой... понимаешь?..

Ее уже несло; спешно, в пожарном порядке пытающийся протрезветь Никита теперь с нескрываемым изумлением смотрел на девушку.

– Вот... стало быть, я и хочу у тебя попросить... займы... да... ведь у тебя же есть сейчас деньги, правда, Никитушка?..

После этих слов Никитино изумление сменилось, в свою очередь, обыкновенным испугом – дело в том, что Саша, имевшая в виду всего лишь принципиальное, так сказать, наличие у него средств, попала, что называется, пальцем в небо, – по странному стечению обстоятельств, где-то около двадцати тысяч долларов действительно лежало сейчас в среднем ящике его письменного стола, будучи аккуратно расфасовано в две симпатичные пачки с ярлыками Union Bank of Switzerland. О том, что это – простое совпадение, натренированный суровой прозой российской повседневности молодой адвокат, конечно же, не подумал, начав вместо этого терзать свой размягченный алкоголем мозг риторическими, по сути, вопросами, – знакома ли Саша с Ереминым, каким боком она могла узнать про сделку с «Империей», и всякое тому подобное. Не обнаружив, как и следовало ожидать, никаких сколько-нибудь

плодотворных идей, Никита внутренне капитулировал и, почти бессознательно бросив на Сашу по-детски жалкий, взыскующий пощады, взгляд, пробубнил заплетающимся языком:

– Но ведь это же много очень... пятнадцать штук... это ведь деньги уже, Сашуля... ты ведь не сможешь... отдать... быстро... а, Сашуля?..

Однако волна, поднявшаяся вместе с притаившейся там мутью от оснований Сашиных самых сокровенных чаяний, уже не внимала каким бы то ни было словам вообще – Саша подалась вперед и, глядя теперь на Никиту чуть снизу, словно бы пригвоздила его к чему-то влажными рапирами своих глаз:

– Я... я отдам... отдам, Никитушка... не сразу, но отдам обязательно... я заработаю и отдам...

Она глядела на него, не моргая: влажное, вспотевшее лицо, ставшее бледным, сбившаяся на бок и там прилипшая ко лбу челка... он стал похож на молодого фашиста из какого-то фильма... он ей нравился.

– И еще... Никита, послушай меня... – голос ее стал мягким, едва ли не бархатным, – Я, когда вернусь, Никита... ты слушаешь?.. я, когда вернусь, буду очень симпатичная девушка... правда... я знаю точно... мне там показывали... без дураков... у них там это, как его... компьютерное моделирование... все заранее видно... честно... прямо на экране... так классно, скажу тебе – как конструктор, все равно... не веришь?..

– Ну, да... конечно же... почему же я не должен верить?.. только я...

– ...вот, и когда я вернусь оттуда... я могу... то есть, я могла бы, Никитушка... если ты хочешь... я могла бы... тебе отдаться... серьезно... у тебя ведь нет постоянной девушки?.. правда?.. вот... а у меня еще никого не было... никогда... это ведь хорошо, да?.. мужчины ведь любят, когда девушка в первый раз, так ведь?.. это ведь интересно?.. а, Никита?..

Саша вдруг замолчала резко; не находя иного выхода, давешняя волна сгустившейся нервной энергии теперь сконцентрировалась вокруг Никиты. Он придвинулся ближе и вдруг, неожиданно для себя, накрыл своей покрасневшей рукой дрожащую ладонь девушки:

– Сашуля... маленький ты мой... кто ж тебе сказал... да я и сейчас тебя... и сейчас от тебя не откажусь, а...

Уже в следующее мгновение Саша утонула в его объятиях – комната поплыла вся, словно отражение в подставленном под пар холодном зеркале; страшно не было вовсе, на миг мелькнула только почему-то предательская мысль о нижнем белье, о его соответствии навязчивым телевизионно-журнальным идеалам, но тут же, впрочем, растаяла бесследно – впервые в жизни Саша позволила себе действительно не думать ни о чем. Вообще.

.....

Утром в воскресенье она поймала такси на Гражданку, однако, едва доехав до Литейного, неожиданно попросила остановиться и, расплатившись, вышла. Невский был еще сравнительно немногочеловечен – она дошла до Фонтанки, купила с лотка безбожно сдобренный дешевым кетчупом хот-дог и с аппетитом его съела. Было несколько ветрено, однако это обстоятельство ничуть не мешало Саше наслаждаться каким-то неведомым ей прежде, исходившим из нее самой, самодовлеющим покоем. Как не мешало ей в этом и непривычное для нее в столь ранний час чувство некоторой физической усталости...

Она нашла телефон-автомат и, уже сняв трубку, несколько секунд простояла недвижно, прислонившись лбом к гладкому металлу аппарата. Затем словно бы пробудилась от чего-то, достала из сумочки записную книжку и не спеша набрала номер.

– Алло... ага, я... встал уже?.. а что ты сейчас делаешь?.. я?.. нет, не дома... нет еще... на Невском... слушай, знаешь что, я хочу сейчас вернуться... деньги тебе отдам назад... да, объясню... ну, да, и вообще... ладно?... хорошо?... ты не против?... конечно... ну ладно, возьму такси... а кофе успеешь сварить?.. ха-ха... ну, хорошо, ставь... давай, пока... жди...

20.02.98 – 12.04.98

(с) 1998 Лев Борисович Усыскин, разрешаю использование текста на условиях открытой лицензии Creative Commons CC0 1.0 в течение всего срока действия исключительного права